

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

УДК: 339.9
JEL: F14, F17

Влияние санкционных процессов и глобальной нестабильности на циклическую динамику и эволюционно-институциональные условия внешнеторговых отношений между Россией и странами Центральной Азии

А.С. Тулупов, д.э.н., профессор
<https://orcid.org/0000-0001-8114-5460>; SPIN-код (РИНЦ): 9309-6975
Scopus author ID: 57195678332
e-mail: tul@bk.ru

К.Х. Зоидов, к.ф.-м.н., доцент
<https://orcid.org/0000-0002-8474-0895>; SPIN-код (РИНЦ): 2293-9802
Scopus author ID: 57190430349
e-mail: kobiljonz@mail.ru

Г.Г. Бобоев, к.э.н.
SPIN-код (РИНЦ): 3058-0997
e-mail: boboev_g81@mail.ru

Ш.К. Кобил, младший научный сотрудник ЦЭМИ РАН
<https://orcid.org/0000-0002-4608-0734>; SPIN-код (РИНЦ): 8823-5926
e-mail: shabnam.91@list.ru

Для цитирования

Тулупов А.С., Зоидов К.Х., Бобоев Г.Г., Кобил Ш.К. Влияние санкционных процессов и глобальной нестабильности на циклическую динамику и эволюционно-институциональные условия внешнеторговых отношений между Россией и странами Центральной Азии // Проблемы рыночной экономики. - 2026. - № 1. - С. 191-206.

DOI: 10.33051/2500-2325-2026-1-191-206

Аннотация

В статье исследуется, как санкционные процессы 2014–2025 гг. и глобальная нестабильность изменили внешнеторговые отношения России со странами Центральной Азии. **Цель работы.** Цель исследования состоит в выявлении того, каким образом санкционные процессы и глобальная нестабильность повлияли на структуру, динамику и эволюционно-институциональные условия внешнеторговых отношений России со странами Центральной Азии в 2014–2025 гг., особенно в шоковой фазе 2022 – апреля 2025 г. Теоретическая рамка опирается на концепции trade diversion, перестройки торговых коридоров и санкционного комплаенса. Методологически работа использует смешанный дизайн: сравнительный анализ официальной партнерской статистики Казахстана, Узбекистана и Таджикистана, институциональный анализ Кыргызстана, а также исследование нормативных актов США и ЕС, усиливших антиобходный контур в 2024 – начале 2025 г. **Методология.** В исследовании использованы методы историко-экономического анализа, теории производственно-технологической сбалансированности экономики, системной парадигмы, эволюционно-институциональной теории, экспертных и аналитических оценок. **Результаты.** Показано, что санкции не привели к линейному сжатию торговли России с регионом, а вызвали ее структурную перестройку: рост

посреднических и транзитных функций, усиление импортной асимметрии, повышение роли Центральной Азии как пространства адаптации российских цепочек поставок и одновременный рост уязвимости к вторичным ограничениям. Наиболее устойчивый структурный эффект выявлен в связке России с Казахстаном, наиболее показательный пример количественного роста и углубления дефицита в отношениях с Узбекистаном, а наиболее выраженная зависимость от российских поставок в Таджикистане. К апрелю 2025 г. главным ограничителем становится уже не только география торговли, но и стоимость финансового, логистического и правового сопровождения таких операций. **Выводы.** Санкционные процессы и глобальная нестабильность в 2014–2025 гг. не привели к простому сжатию внешнеторговых отношений России со странами Центральной Азии, а вызвали их структурную перестройку.

Ключевые слова: санкционный процесс, глобальная нестабильность, эволюционно-институциональное условие, Россия, Центральная Азия, внешняя торговля, ЕАЭС, реэкспорт, вторичные санкции, транспортные коридоры.

Статья подготовлена в рамках государственного задания и выполнения фундаментальных научных исследований ЦЭМИ РАН (тема № FMGF-2024-0019 «Моделирование сценариев сбалансированного пространственно-хозяйственного, научно-технического, транспортно-транзитного и инновационно-индустриального развития экономики России и стран Глобального Юга»).

The impact of sanctions processes and global instability on cyclical dynamics and evolutionary and institutional conditions of foreign trade relations between Russia and Central Asian countries

Alexander S. Tulupov, Dr. of Sci. (Econ.), Professor
<https://orcid.org/0000-0001-8114-5460>; SPIN-code (RSCI): 9309-6975
Scopus author ID: 57195678332
e-mail: tul@bk.ru

Kobiljon Kh. Zoidov, Cand. of Sci. (Phys.&Math.), Associate Professor
<https://orcid.org/0000-0002-8474-0895>; SPIN-code (RSCI): 2293-9802
Scopus author ID: 57190430349
e-mail: kobiljonz@mail.ru

Gulomjon G. Boboev, Cand. of Sci. (Econ.)
SPIN-code (RSCI): 3058-0997
e-mail: boboev_g81@mail.ru

Shabnam K. Kobil, Junior Researcher CEMI RAS
<https://orcid.org/0000-0002-4608-0734>; SPIN-code (RSCI): 8823-5926
e-mail: shabnam.91@list.ru

For citation

Tulupov A.S., Zoidov K.Kh., Boboev G.G., Kobil Sh.K. The impact of sanctions processes and global instability on cyclical dynamics and evolutionary and institutional conditions of foreign trade relations between Russia and Central Asian countries // Market economy problems. - 2026. - No. 1. - Pp. 191-206 (In Russian).

DOI: 10.33051/2500-2325-2026-1-191-206

Abstract

The article examines how the 2014-2025 sanctions processes and global instability have changed Russia's foreign trade relations with Central Asian countries. **The purpose of the work.** The purpose of the study is to identify how the sanctions processes and global instability affected the structure, dynamics and evolutionarily-institutional conditions of Russia's foreign trade relations with Central Asian countries in 2014-2025, especially in the shock phase of 2022 – April 2025. The theoretical framework is based on the concepts of trade diversion, restructuring of trade corridors and sanctions compliance. Methodologically, the work uses a mixed design: a comparative analysis of the official partner statistics of Kazakhstan, Uzbekistan and Tajikistan, an institutional analysis of Kyrgyzstan, as well as a study of US and EU regulations that reinforced the anti-circumvention contour in 2024 - early 2025. **Methodology.** The research uses methods of historical and economic analysis, theory of industrial and technological balance of the economy, system paradigm, evolutionary and institutional theory, expert and analytical assessments. **Results.** It is shown that the sanctions did not lead to a linear contraction of Russia's trade with the region, but caused its structural transformation: an increase in intermediary and transit functions, increased import asymmetry, an increased role of Central Asia as a space for adapting Russian supply chains and a simultaneous increase in vulnerability to secondary restrictions. The most stable structural effect was found in Russia's relationship with Kazakhstan, the most significant example of quantitative growth and deepening of the deficit in relations with Uzbekistan, and the most pronounced dependence on Russian supplies in Tajikistan. By April 2025, the main constraint is not only the geography of trade, but also the cost of financial, logistical and legal support for such operations. **Conclusions.** Sanctions processes and global instability in 2014-2025 They did not lead to a simple contraction of Russia's foreign trade relations with the countries of Central Asia, but caused their structural transformation.

Keywords: *sanctions process, global instability, evolutionary and institutional conditions, Russia, Central Asia, foreign trade, EAEU, re-export, secondary sanctions, transport corridors.*

The article was prepared within the framework of the state assignment and the implementation of fundamental scientific research at the Central Economic Mathematical Institute of the Russian Academy of Sciences (topic No. FMGF-2024-0019 «Modeling scenarios for balanced spatial, economic, scientific, technical, transport, transit, and innovative industrial development of the economy of Russia and the countries of the Global South»).

Введение

После 2014 г. санкционная среда стала для России долгосрочным фактором внешнеэкономической политики, однако именно период 2022 – начала 2025 г. превратил ее из набора ограничений в системный механизм перестройки региональной торговли. К апрелю 2025 г. санкционный режим был дополнен инструментами, нацеленными не только на российских субъектов, но и на иностранных посредников, например, Executive Order 14114 расширил риски для иностранных финансовых институтов, меры Минфина США в 2024 г. сфокусировались на поддержке российского военно-промышленного комплекса и обходе ограничений, 14-й пакет ЕС от 24 июня 2024 г. усилил антиобходный контур, а 16-й пакет ЕС от 24 февраля 2025 г. расширил давление на чувствительные сектора и третьи страны. В этих условиях Центральная Азия перестала быть лишь соседним рынком и превратилась в пространство адаптации, транзита, платежного маневрирования и санкционного комплаенса.

Дополнительную значимость теме придает то, что международные организации фиксируют для стран Центральной Азии разнонаправленное воздействие текущих внешнеэкономических процессов. С одной стороны, Всемирный банк отмечает заметный эффект переориентации торговых потоков, сопровождавшийся ростом экспорта из стран Центральной Азии в Россию, а Международный валютный фонд указывает на положительное влияние этих

процессов на экономическую активность региона. С другой стороны, Европейский банк реконструкции и развития уже к началу 2025 г. подчеркивает, что посредническая торговля вряд ли и далее сможет обеспечивать прежние темпы роста, тогда как геоэкономическая раздробленность, колебания валютных курсов, сбои в логистических цепочках и санкционные риски усиливают среднесрочную неопределенность. Для Казахстана значимость данной проблемы возрастает еще и потому, что, по оценке ОЭСР, Россия сохраняет ключевое значение как транзитная территория для экспортной инфраструктуры страны.

Цель исследования состоит в выявлении того, каким образом санкционные процессы и глобальная нестабильность повлияли на структуру, динамику и институциональные условия внешнеторговых отношений России со странами Центральной Азии в 2014–2025 гг., особенно в шоковой фазе 2022 – апреля 2025 г.

Гипотеза исследования заключается в том, что санкционные процессы и глобальная нестабильность не привели к прямолинейному сокращению торговли России со странами Центральной Азии, а вызвали ее структурную перестройку: усилили посреднические каналы, сохранили или нарастили объемы торговли в ряде стран, но одновременно повысили асимметрию зависимости и стоимость поддержания таких связей.

Обзор научной литературы по теме исследования

В современной научной литературе санкции все чаще рассматриваются не как локальный инструмент ограничения доступа к отдельным рынкам, товарам или источникам финансирования, а как механизм глубокой перестройки всей системы внешнеэкономических связей [2-5]. Такой подход позволяет видеть в санкционном воздействии не только прямой запретительный эффект, но и более сложные последствия, выражающиеся в перераспределении торговых потоков, изменении направлений поставок, трансформации логистических маршрутов и перестройке инфраструктуры внешней торговли. В этом контексте работа М. Crozet и J. Hinz [12] имеет принципиальное значение, поскольку авторы показывают, что санкции и ответные ограничения формируют масштабные торговые потери, выходящие далеко за пределы формально затронутых сегментов. Иными словами, последствия санкционного режима распространяются не только на те отрасли и страны, против которых непосредственно направлены ограничения, но и на более широкий круг участников международного обмена. Тем самым санкции выступают фактором, нарушающим сложившиеся хозяйственные связи и создающим дополнительную нагрузку на всю систему международной торговли.

Эта логика подтверждается и более поздними исследованиями, посвященными изменениям после 2022 г. Так, М. Mancini, F. P. Conteduca и А. Borin [19], используя данные, близкие к текущему времени, зафиксировали резкое сокращение российского импорта в начальный период усиления санкционного давления. Однако особенно важно то, что подобное сокращение не означало простого исчезновения внешнеторговых потоков, а сопровождалось поиском новых каналов поставок, замещением прежних партнеров и адаптацией хозяйствующих субъектов к изменившимся условиям. В этом отношении выводы S. Fortescue [17], проследившего переориентацию торговых коридоров России после начала полномасштабного военного конфликта, позволяют сделать более широкий вывод: санкции не останавливают экономические связи полностью, а меняют их направление, конфигурацию и институциональную основу. В результате исследовательский интерес смещается от оценки прямого падения импорта или экспорта к анализу того, через какие страны, маршруты и организационные формы происходит дальнейшее движение товаров.

Особое место в этой дискуссии занимает энергетическое направление. М. Aponte-García [6] показывает, что в торговле углеводородами санкции вызывают не только количественные изменения, связанные со снижением или перераспределением объемов, но и качественную перестройку географии поставок. По сути, речь идет о том, что санкционное давление изменяет пространственную организацию энергетического обмена: меняются направления транспортировки, усиливается значение альтернативных покупателей, возрастает роль новых посредников и пересматриваются маршруты вывоза сырья. Следовательно, санкции в энергетической сфере воздействуют не только на стоимостные и физические показатели

торговли, но и на саму архитектуру международных поставок, формируя новые устойчивые связи и одновременно разрушая прежние.

Для постсоветского пространства особенно значимы исследования, посвященные роли промежуточных стран и транзитных территорий. Так, М. Chupilkin, В. Javorcik и А. Plekhanov [9] предложили концепцию «евразийского обходного круга», в рамках которой Кавказ и Центральная Азия рассматриваются как важнейшие пространства перераспределения товарных потоков в условиях санкционного давления. Данная исследовательская оптика особенно ценна тем, что позволяет выйти за рамки формального анализа двусторонней торговли и сосредоточиться на более сложной системе косвенных поставок, реэкспорта и посреднических операций. В этом случае страны региона предстают не просто как внешние наблюдатели санкционного противостояния, а как активные участники трансформирующейся торговой системы, через которые проходят значимые товарные, финансовые и транспортные связи.

Сходную линию развивает Н. Simola [23], показывающая, что поставки в Россию части чувствительной с точки зрения ограничений технологической продукции сохранялись благодаря приспособленным каналам снабжения. Этот вывод имеет важное методологическое значение, поскольку демонстрирует ограниченность подхода, основанного исключительно на анализе официальных прямых поставок между двумя странами. Реальные экономические процессы оказываются значительно сложнее: товары могут перемещаться через цепочку посредников, оформляться через иные юрисдикции, менять маршруты и формы сопровождения. Поэтому изучение санкций требует учета не только формально наблюдаемых показателей внешней торговли, но и тех механизмов приспособления, которые формируются на уровне бизнеса, транспортной инфраструктуры, банковского обслуживания и договорных отношений.

Критическое осмысление самой природы санкционного режима представлено в работе I. N. Timofeev, E. Y. Arapova и Yu. A. Nikitina [24]. Авторы ставят под сомнение упрощенное представление о санкциях как о якобы «точечном» и избирательном инструменте воздействия, подчеркивая, что на практике их последствия затрагивают значительно более широкий круг институтов, экономических процессов и политико-экономических отношений. Подобная постановка вопроса особенно важна для анализа внешней торговли России и стран Центральной Азии, поскольку позволяет рассматривать санкции не только как совокупность отдельных ограничительных мер, но и как фактор долгосрочной институциональной перестройки. В этом случае в центре внимания оказываются изменения правил расчетов, повышение издержек соблюдения ограничительных требований, усиление осторожности со стороны банков и компаний, а также необходимость постоянного приспособления к новым внешним условиям.

Таким образом, рассмотренные исследования формируют более широкий взгляд на природу санкционного воздействия. Их объединяет отказ от узкого понимания санкций как простого сокращения двусторонней торговли и переход к анализу многоуровневых последствий, охватывающих посреднические маршруты, транспортно-логистическую организацию поставок, финансовую инфраструктуру и поведение экономических субъектов в условиях правовой и политической неопределенности. Именно поэтому для анализа постсоветского пространства, и особенно Центральной Азии, принципиально важно изучать не только номинальные показатели экспорта и импорта, но и скрытые механизмы перераспределения торговых потоков, роль транзитных стран, изменение хозяйственных связей и адаптационные стратегии участников внешнеэкономической деятельности. Такой подход позволяет более точно раскрыть реальное воздействие санкционных процессов на региональные торговые отношения и выявить структурные изменения, которые не всегда очевидны при поверхностном рассмотрении статистики.

1. Систематизация ключевых направлений влияния санкционных процессов и факторов глобальной нестабильности на внешнеторговые отношения России и стран Центральной Азии

Для систематизации ключевых направлений влияния санкционных процессов и факторов глобальной нестабильности на внешнеторговые отношения России и стран Центральной Азии целесообразно представить общую логику происходящих изменений в виде концептуальной модели. На рисунке 1 последовательно отражены исходные внешние вызовы 2014–2025 гг.,

трансформация внешнеторговой среды под их воздействием, а также основные результаты, проявившиеся в торгово-экономическом взаимодействии России с государствами региона.

Представленная концептуальная модель показывает, что санкционные процессы и глобальная нестабильность оказали на внешнеторговые отношения России и стран Центральной Азии не изолированное, а многоуровневое воздействие. Их влияние выразилось не только в изменении направлений торговых потоков и усложнении внешнеэкономических операций, но и в формировании новых моделей адаптации, усилении импортной асимметрии и повышении чувствительности внешней торговли к финансовым, логистическим и правовым ограничениям.

Санкционные процессы и глобальная нестабильность 2014–2025 гг.	Перестройка внешнеторговой среды	Ключевые результаты для России и стран Центральной Азии
<ul style="list-style-type: none"> • Ужесточение ограничительных мер США и ЕС • Геоэкономическая раздробленность и политическая неопределенность • Колебания валютных курсов и финансовые риски • Сбои в логистике и транспортных маршрутах 	<ul style="list-style-type: none"> • Переориентация торговых потоков и коридоров • Рост посреднической и транзитной торговли • Усиление санкционного контроля и правовой проверки сделок • Удорожание расчетов, страхования и доставки 	<ul style="list-style-type: none"> • Сохранение или рост торговли в отдельных странах • Усиление импортной асимметрии и торговых дисбалансов • Рост уязвимости к вторичным ограничениям • Дифференциация национальных моделей адаптации

Рис. 1. Концептуальная модель логики воздействия санкционных процессов и глобальной нестабильности на внешнеторговые отношения России и стран Центральной Азии

Вместе с тем проведенный обзор показывает, что сравнительных исследований, одновременно соединяющих официальную статистику стран Центральной Азии, нормативные акты США и ЕС 2024 – начала 2025 г. и дифференциацию моделей адаптации внутри самого региона, все еще недостаточно. Значительная часть работ анализирует либо российский импорт в агрегированном виде, либо отдельный транспортный коридор, либо страновой кейс без сопоставления с соседями. Научная новизна настоящей статьи состоит в том, что она объединяет сравнительный анализ трех количественно верифицируемых страновых случаев, институциональный кейс Кыргызстана и оценку санкционного ужесточения 2024 – начала 2025 г., дополняя их индексом асимметрии торговли с Россией.

2. Сравнительный анализ сложившихся моделей адаптации в их внешнеторговых отношениях с Россией

Для выявления специфики реакции государств Центральной Азии на санкционные процессы и нарастающую глобальную нестабильность целесообразно провести сравнительный анализ сложившихся моделей адаптации в их внешнеторговых отношениях с Россией. В таблице 1 представлены ключевые характеристики торгово-экономического взаимодействия России с Казахстаном, Узбекистаном, Таджикистаном и Кыргызстаном, что позволяет сопоставить степень зависимости, направления структурной перестройки торговли, а также различия в уязвимости национальных экономик к финансовым, логистическим и санкционным ограничениям.

Таблица 1

Сравнительные модели адаптации стран Центральной Азии к санкционным процессам и глобальной нестабильности в 2024 – начале 2025 г.

Торговые отношения России со странами Центральной Азии			
Казахстан	Узбекистан	Таджикистан	Кыргызстан

ЕАЭС-опосредованная структурная связка.	Прагматически-селективное углубление.	Асимметрично-импортозависимая модель.	Посреднически-санкционно-уязвимая модель.
Высокая доля России во взаимной торговле с ЕАЭС Транзитная зависимость Рост стоимости маршрутов	Рост товарооборота с Россией. Углубление отрицательного сальдо. Усиление диверсификации в пользу других партнеров.	Крайне низкий экспорт в Россию при высоком импорте из России. Наиболее выраженная торговая асимметрия.	Значение промежуточной торговли и сервисных функций. Высокая чувствительность к вторичным санкциям.
Общий итог сравнительного анализа			
Торговля России со странами Центральной Азии не сокращается линейно, а становится более сложной, дорогой и институционально уязвимой, при этом каждая страна региона демонстрирует собственную модель адаптации.			

Сравнительный анализ показывает, что в 2024 – начале 2025 г. страны Центральной Азии демонстрируют разные модели приспособления к изменившимся внешнеэкономическим условиям, однако общим для региона становится усложнение торговых механизмов, рост транзакционных издержек и усиление институциональных рисков. При этом Казахстан сохраняет наиболее устойчивую структурную связку с Россией, Узбекистан характеризуется углублением торгового взаимодействия при нарастании дисбалансов, Таджикистан отличается наиболее выраженной импортной зависимостью, а Кыргызстан в большей степени проявляет признаки посреднической, но одновременно санкционно-уязвимой модели адаптации.

Собранные материалы позволяют выделить две фазы воздействия санкций на связи России с Центральной Азией. В 2014–2021 гг. преобладала постепенная адаптация: менялись стимулы, отрабатывались схемы импортозамещения, расширялось значение ЕАЭС и двусторонних расчетных практик. В 2022 – начале 2025 г. произошла уже не просто адаптация, а ускоренная перестройка архитектуры торговли, Центральная Азия стала одновременно рынком, транзитным узлом, площадкой для промежуточной торговли и зоной повышенного комплаенс-риска. Именно поэтому количественная динамика не совпадает с ожидаемым сценарием «санкции = падение торговли»: в ряде случаев оборот рос, но росла и его институциональная стоимость (таблица 2).

Таблица 2

Динамика торговли Узбекистана с Россией, 2022–2024 гг. и январь–февраль 2025 г. [20-21]

Период	Товарооборот, млн долл. США	Экспорт Узбекистана в РФ, млн долл.	Импорт из РФ, млн долл.	Сальдо, млн долл.	Доля РФ во внешней торговле Узбекистана, %
2022	9 381,8	3 151,1	6 230,7	-3 079,6	18,6
2023	10 156,3	3 495,7	6 660,6	-3 164,9	15,8
2024	11 630,3	3 682,9	7 947,3	-4 264,4	17,6
Январь–февраль 2025	1 619,5	547,9	1 073,1	-525,2	14,9

Узбекистан демонстрирует наиболее показательный пример нелинейного эффекта санкций. За 2022–2024 гг. товарооборот с Россией вырос почти на 24%, причем в 2024 г. импорт из России увеличился значительно быстрее экспорта Узбекистана в Россию: примерно на 19,3% против 5,4% год к году. Это привело к углублению отрицательного сальдо до 4,26 млрд долл. Авторский расчет индекса асимметрии за 2024 г. дает значение 0,367, что отражает заметную, но еще не критическую импортную зависимость. Одновременно предварительные данные за январь–февраль 2025 г. показывают снижение доли России во внешней торговле Узбекистана до 14,9%, тогда как доля Китая составила 19,2%. Следовательно, санкционная адаптация продолжает поддерживать высокий уровень торговли, но признаки относительного охлаждения и диверсификационного давления уже проявились.

Для более точной оценки роли России в региональной торговой архитектуре целесообразно рассмотреть показатели взаимной торговли Казахстана со странами ЕАЭС с выделением российского компонента. Таблица 3 позволяет определить, какое место занимает Россия в общем объеме евразийской торговли Казахстана, а также проследить структуру этого взаимодействия через соотношение экспорта, импорта и долевых показателей по итогам 2024 г. и января–февраля 2025 г. (таблица 3).

Таблица 3

Российский фактор во взаимной торговле Казахстана со странами ЕАЭС в 2024 г. и январе–феврале 2025 г. [7-8]

Период	Взаимная торговля Казахстана с ЕАЭС, млн долл. США	Экспорт в ЕАЭС, млн долл.	Импорт из ЕАЭС, млн долл.	Доля РФ во взаимной торговле с ЕАЭС, %	Оценка торговли Казахстана с РФ в контуре ЕАЭС, млн долл.	Доля РФ в экспорте Казахстана, %	Доля РФ в импорте Казахстана, %
2024	30 447,5	10 977,7	19 469,8	91,3	27 798,6	11,7	30,5
Январь–февраль 2025	3 731,4	1 220,1	2 511,3	90,4	3 373,2	9,5	28,5

Представленные данные подтверждают, что Россия сохраняет доминирующее положение во взаимной торговле Казахстана в контуре ЕАЭС, формируя основную часть как совокупного товарооборота, так и импортных потоков. При этом более высокая доля России в импорте по сравнению с экспортом свидетельствует о сохраняющейся асимметрии торговых связей, что позволяет рассматривать российский фактор как ключевой элемент внешнеторговой устойчивости Казахстана в рамках евразийской интеграции, но одновременно и как источник повышенной зависимости от динамики российско-евразийских экономических процессов.

Казахстан представляет иную конфигурацию. Здесь зависимость от России выражается не столько в резком росте товарооборота, сколько в глубокой структурной встроенности России в ЕАЭС-обмен и транзит. В 2024 г. на Россию приходилось 91,3% взаимной торговли Казахстана с ЕАЭС, а в январе–феврале 2025 г. 90,4%. Доля России в импорте Казахстана оставалась очень высокой: 30,5% в 2024 г. и 28,5% в начале 2025 г. При этом OECD отмечает, что Россия сохраняет значение критического транзитного государства для Казахстана, а в 2022 г. свыше 80% казахстанского нефтяного экспорта проходило через российскую территорию. Следовательно, даже при декларируемой диверсификации коридоров российский вектор остается системным, а санкции увеличивают цену этой зависимости, но не устраняют ее.

Таджикистан, напротив, демонстрирует наиболее асимметричную модель товарной зависимости. В 2024 г. экспорт Таджикистана в Россию составил лишь 96,2 млн долл., тогда как импорт из России достиг 1,886 млрд долл.; Россия обеспечила 22,1% общего внешнеторгового оборота страны, 26,9% ее импорта и лишь 4,9% экспорта. Авторский индекс асимметрии для российско-таджикской торговли равен 0,903, то есть близок к предельной импортной зависимости. В данном случае российский фактор проявляется не как преимущественно транзитный или посреднический канал, а как критически значимый источник товаров в уязвимой импортной структуре.

Для обобщения полученных эмпирических результатов и выявления различий в характере воздействия санкционных процессов и глобальной нестабильности на внешнеторговые связи России со странами Центральной Азии целесообразно использовать сравнительный профильный подход. В таблице 4 систематизированы ключевые маркеры торгового взаимодействия с Казахстаном, Узбекистаном, Таджикистаном и Кыргызстаном, что позволяет сопоставить уровень асимметрии, основные каналы связи с Россией, доминирующие риски и итоговые модели адаптации в 2024 – начале 2025 г.

Таблица 4

Сравнительный профиль воздействия санкций и глобальной нестабильности на торговые отношения России со странами Центральной Азии, 2024 – начало 2025 г. [18]

Страна	Ключевой эмпирический маркер	Индекс асимметрии AI	Основной канал взаимодействия с РФ	Ключевой риск 2024 – начала 2025 г.	Итоговая модель
Казахстан	91,3% торговли Казахстана с ЕАЭС приходится на РФ; доля РФ в импорте 30,5%	н/д	ЕАЭС и транзит	маршрутная зависимость, банковский и логистический комплаенс	ЕАЭС-опосредованная структурная связка
Узбекистан	11,63 млрд долл. товарооборота с РФ в 2024 г.; дефицит 4,26 млрд долл.	0,367	промышленная кооперация, энергоресурсы, двусторонняя торговля	платежные ограничения, углубление дефицита, конкуренция Китая	прагматически-селективное углубление
Таджикистан	РФ = 22,1% внешней торговли; импорт из РФ 1,886 млрд долл. против экспорта 96,2 млн долл.	0,903	поставки потребительских и промежуточных товаров	высокая импортная асимметрия	асимметрично-импортозависимая модель
Кыргызстан	международные документы фиксируют зависимость от торговли с Россией и уязвимость посреднической торговли к вторичным санкциям	н/д	промежуточная торговля, ЕАЭС, транспортные и сервисные функции	вторичные санкции, информальность, валютная и спросовая волатильность	посреднически-санкционно-уязвимая модель

Сравнительный профиль показывает, что санкционное давление и глобальная нестабильность формируют не единый для всего региона эффект, а дифференцированную систему торговых последствий, зависящую от степени институциональной включенности страны в связи с Россией, структуры товарооборота и характера внешнеэкономической специализации. При этом Казахстан демонстрирует наиболее устойчивую интеграционную связку, Узбекистан имеет модель углубления взаимодействия при нарастании дисбалансов, Таджикистан формирует крайнюю форму импортной асимметрии, а Кыргызстан проявляет повышенную зависимость от посреднических функций, наиболее чувствительных к вторичным ограничениям и изменениям внешнего комплаенс-контроля.

Следует отметить, по Кыргызстану использована институциональная, а не симметрично-статистическая логика анализа. Туркменистан не включен в таблицу из-за ограниченной сопоставимости открытых данных на момент актуализации исследования, но учитывается в общерегиональном обсуждении.

Кыргызстан, хотя и не представлен в таблицах столь же детализированной открытой двусторонней статистикой, оказывается ключевым для понимания нового типа риска. EBRD прямо указывает, что власти страны пытались соблюдать санкционные требования, однако

высокая зависимость от России, значительная доля неформальных практик и роль промежуточной торговли делают жесткий разрыв практически неосуществимым. Частный сектор остается уязвимым к вторичным санкциям, колебаниям курса рубля и ослаблению спроса на транспортно-посреднические услуги. Отсюда вытекает важный результат, что к началу 2025 г. главный ограничитель торговли России с Центральной Азией смещается с погранично-таможенной географии в сферу финансового, репутационного и правового сопровождения сделок.

Полученные результаты в целом подтверждают логику работ М. Chupilkin, В. Javorcik и А. Plekhanov [9], а также S. Fortescue [17], что санкции не уничтожили торговые потоки, а перенаправили их. Однако данные 2024 – начала 2025 г. позволяют внести важную поправку. Если фаза 2022–2023 гг. вознаграждала быстрый посреднический маневр и географическую замену каналов, то следующая фаза все сильнее наказывает такую адаптацию через антиобходные меры, давление на иностранные банки и рост репутационных рисков для компаний третьих стран. В этом смысле санкции действуют как механизм отсроченного удорожания, т.е. сначала формируется эффект торгового перераспределения, а затем эффект институционального сжатия.

Одновременно сравнительный анализ показывает, что Центральную Азию нельзя рассматривать как однородный блок:

- Казахстан связан с Россией через ЕАЭС и транзитную инфраструктуру;
- Узбекистан поддерживает прагматичное углубление торгово-экономических связей, но на фоне усиливающейся диверсификации в сторону Китая и других партнеров;
- Таджикистан остается преимущественно зависимым от российских поставок;
- Кыргызстан наиболее уязвим к вторичным санкциям, поскольку посредническая торговля и институциональная неформальность являются частью его адаптационной модели.

Для Туркменистана ключевая проблема состоит не столько в отсутствии взаимодействия, сколько в ограниченной прозрачности сопоставимых публичных данных, что само по себе затрудняет точное измерение санкционного эффекта.

Ограничения исследования связаны с неоднородностью статистических методик, предварительным характером части публикаций за 2025 г. и необходимостью опираться на партнерскую статистику вместо единого симметричного российского массива данных. Тем не менее именно эта стратегия позволяет увидеть не только объемы торговли, но и институциональную цену ее поддержания в условиях санкций, когда различия между «ростом оборота» и «устойчивостью торговой модели» становятся принципиальными.

3. Сценарная перспектива внешнеторговых отношений между Россией и странами Центральной Азии

Далее представлены три сценария ужесточения санкционного режима на период 2026–2030 гг. базовый, умеренно жесткий и жесткий, а также иллюстративная количественная сценарная оценка двусторонней торговли в контуре «страны Центральной Азии — Россия», построенная с опорой на данные 2023 г. как на последний сопоставимый год по двусторонним товарным потокам. При этом все расчетные оценки сопровождаются обязательной фиксацией исходных допущений, положенных в основу сценаризации. Для Казахстана и агрегированного контура «ЦА-4» (Казахстан, Узбекистан, Кыргызстан, Таджикистан) приведен пример заполнения годовых прогнозных таблиц на 2026–2030 гг. (табл. 5)

Таблица 5

Сценарии усиления санкций на 2026–2030 гг. ¹

Сценарий	Условная вероятность	Содержание ужесточения (2026–2030)	Доминирующие каналы
----------	----------------------	------------------------------------	---------------------

¹ Вероятности – открытые допущения авторов, подлежат калибровке, по экспертной оценке/рынку, санкционных рисков.

Инерционный	0,50	Сохранение и точечное расширение секторальных мер; продление режимов; приоритет — контроль обхода и отдельных узлов финансовой инфраструктуры	Умеренный рост издержек платежей и логистики; постепенное смещение товарной структуры в «низкорисковые» HS
Антиобходной	0,35	Ужесточение мер против обхода, усиление «вторичных» рисков для банков/логистики третьих стран; рост комплаенс-давления	Сжатие финансового канала (коррсчета/клиринг), рост страховочно-логистических премий, падение торговли «чувствительными» HS
Жёсткий	0,15	Масштабирование вторичных санкций и сервисных запретов (страхование/фрагментация/платежные сервисы), «де-рискинг» системного уровня в регионе	Разрыв/фрагментация платежей, резкий рост времени и стоимости логистики, структурная перестройка и падение стоимостных потоков

Сценарный анализ показывает, что на горизонте 2026–2030 гг. наиболее вероятным остается не экстремальный разрыв внешнеторговых связей, а дальнейшее нарастание их институциональной и стоимостной нагрузки. Доминирующим представляется инерционный сценарий, при котором торговля сохранится, однако будет постепенно адаптироваться к росту платежных, логистических и правовых издержек, а товарная структура сместится в сторону менее чувствительных позиций. Вместе с тем совокупная вероятность антиобходного и жесткого сценариев свидетельствует о высокой уязвимости финансовых и транспортно-посреднических каналов, прежде всего в случае усиления вторичных санкций и комплаенс-давления на банки, перевозчиков и страховые механизмы третьих стран. Следовательно, ключевой риск для торговли России и стран Центральной Азии в 2026–2030 гг. связан не столько с формальным запретом обмена как такового, сколько с возможным сжатием инфраструктуры его обслуживания, что способно привести к удорожанию операций, фрагментации расчетов и дальнейшей структурной перестройке товарных потоков.

В целях количественной иллюстрации возможной траектории внешнеторговых связей в таблице 6 представлены прогнозные параметры двусторонней торговли стран Центральной Азии с Россией в 2030 г. в разрезе трех сценариев усиления санкционного давления. Сценарные оценки позволяют сопоставить возможные изменения экспорта в Россию, импорта из России, совокупного товарооборота и торгового сальдо в зависимости от степени ужесточения внешних ограничений и роста, сопутствующих финансовых, логистических и правовых издержек.

Условные сценарные параметры: умеренно жесткий = стагнация/медленный рост; жесткий - снижение потоков в связи с высоким вторичным санкционным риском и «де-рискингом» (таблица 6).

Таблица 6

Двусторонняя торговля с Россией в 2030 год по сценариям, млрд. долл. США

Страна	Сценарий	Экспорт в РФ (2030)	Импорт из РФ (2030)	Тов. оборот (2030)	Сальдо (2030)
Казахстан	базовый	12,04	18,60	30,64	-6,56
Кыргызстан	базовый	1,08	2,80	3,88	-1,72
Таджикистан	базовый	0,17	1,03	1,20	-0,87
Узбекистан	базовый	3,98	8,04	12,02	-4,07
Казахстан	умеренно жесткий	10,49	16,19	26,69	-5,70
Кыргызстан	умеренно жесткий	0,94	2,44	3,38	-1,49
Таджикистан	умеренно жесткий	0,14	0,90	1,04	-0,75

Узбекистан	умеренно жесткий	3,47	7,01	10,49	-3,54
Казахстан	жесткий	7,91	12,17	20,08	-4,26
Кыргызстан	жесткий	0,77	1,97	2,74	-1,21
Таджикистан	жесткий	0,12	0,73	0,84	-0,61
Узбекистан	жесткий	2,62	5,29	7,91	-2,66

По данным таблицы 6 можно сделать вывод, что во всех рассматриваемых сценариях к 2030 г. сохраняется устойчивая зависимость стран Центральной Азии от импорта из России, поскольку по каждой стране импортные поставки превышают экспорт в российском направлении, а торговое сальдо остается отрицательным. Наибольшие объемы двусторонней торговли во всех сценарных вариантах приходятся на Казахстан и Узбекистан, что подтверждает их ключевую роль в системе торгово-экономических связей с Россией. Одновременно переход от базового сценария к умеренно жесткому и затем к жесткому сопровождается последовательным сокращением как экспорта, так и импорта, то есть усиление санкционного давления ведет не к исчезновению торговли, а к ее сжатию и удорожанию. Особенно показательным, что даже в жестком сценарии торговые потоки сохраняются, однако их масштаб заметно уменьшается, что свидетельствует о высокой адаптивности данных связей при одновременном росте их уязвимости. В целом таблица подтверждает, что к 2030 г. основным последствием усиления санкций станет не полный разрыв внешнеторговых отношений России со странами Центральной Азии, а сокращение товарооборота, сохранение импортной асимметрии и усиление структурных дисбалансов в двусторонней торговле.

В практическом плане полученные результаты позволяют сформулировать ряд общих рекомендаций. На уровне государственного управления целесообразно выстраивать такую систему регулирования, в которой задачи поддержки внешней торговли не смешиваются с задачами контроля санкционных рисков. Это предполагает более внимательное отношение к операциям с чувствительными товарными позициями, развитие понятных правовых ориентиров для банков и экспортеров, а также последовательное снижение зависимости от тех транспортных направлений, где сохраняется чрезмерная привязка к российскому транзиту. Для Казахстана, а в определенной степени и для Узбекистана, особое значение приобретает развитие альтернативных логистических маршрутов, поскольку в современных условиях оно выступает не столько политической декларацией, сколько инструментом снижения внешнеторговой уязвимости и повышения устойчивости национальной транспортной системы.

Устойчивость торговых операций на российском направлении сегодня определяется уже не только ценовыми и таможенными условиями. Существенно возрастает значение качества сопроводительной документации, прозрачности цепочек поставок, надежности расчетных механизмов и способности компаний заранее учитывать валютные и правовые риски. В этих условиях бизнесу необходимо уделять больше внимания корректной товарной классификации, проверке контрагентов, выбору допустимых каналов расчетов и разграничению обычных форм производственной кооперации и операций, которые могут быть интерпретированы как рискованные с точки зрения санкционного регулирования. Иначе даже формально допустимые сделки могут сопровождаться дополнительными издержками, задержками и ограничениями со стороны финансовых посредников.

С научной точки зрения данная проблематика также сохраняет значительный исследовательский потенциал. Перспективным представляется углубление анализа не только самих товарных потоков, но и сопутствующей им финансовой и транспортной инфраструктуры. Для более точной оценки происходящих изменений важно сопоставлять данные национальной и зеркальной статистики, учитывать роль посреднических юрисдикций и различать устойчивые формы промышленного взаимодействия и краткосрочные схемы, возникающие под влиянием внешних ограничений. Такой подход позволит избежать упрощенных выводов, при которых рост товарооборота автоматически трактуется как признак долгосрочного экономического сближения, хотя в действительности его часть может быть связана лишь с временной адаптацией участников рынка к изменившейся внешней среде.

Заключение

Можно сделать вывод, что гипотеза исследования подтверждается. Санкционные процессы и глобальная нестабильность в 2014–2025 гг. не привели к простому сжатию внешнеторговых отношений России со странами Центральной Азии, а вызвали их структурную перестройку. Количественное ядро этой перестройки видно в устойчивой ЕАЭС-опосредованной зависимости Казахстана, в растущей, но более дисбалансированной торговле с Узбекистаном и в резко асимметричной импортной зависимости Таджикистана. Качественное ядро проявляется в уязвимости Кыргызстана к вторичным санкциям и в общем смещении ограничений от таможенной географии к финансам, логистике и правовому сопровождению сделок. По состоянию на апрель 2025 г. ключевой вопрос заключается уже не в том, будут ли Россия и страны Центральной Азии торговать друг с другом, а в том, на каких институциональных условиях, через какие коридоры и с какой возрастающей стоимостью будет поддерживаться эта торговля.

Литература

1. Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан. Социально-экономическое положение Республики Таджикистан. Январь–декабрь 2024 года. – Душанбе, 2025. – Офиц. электрон. ресурс.
2. Бобоев Г.Г. Моделирование влияния эволюционно-институциональных основ обеспечения глобализации на процессы экономического роста России и стран Центральной Азии в условиях нестабильности / Под ред. к.ф.-м.н., доцента К.Х. Зоидова; д.э.н., профессора С.И. Борталевич. – М.: ИПР РАН, 2025. – 448 с.
3. Зоидов К.Х. Математическая сигнатура как инструмент анализа устойчивости инновационных стратегий взаимодействия национальных экономик России и стран ШОС / Под ред. академика РАН В.Л. Макарова; чл.-корр. РАН А.Р. Бахтизина – М.: ЦЭМИ РАН, 2026. – 193 с.
4. Зоидов К.Х. Эволюционно-институциональный подход при исследовании и измерениях неравновесных процессов эволюции социально-экономических систем / К.Х. Зоидов. – 3-е изд., исп. и доп. / Под ред. чл.-корр. РАН В.А. Цветкова. – М.: ИПР РАН, 2023. – 517 с.
5. Зоидов К.Х. Эволюция теории трансформационной кризисной цикличности социально-экономических систем России и других стран постсоветского пространства / К.Х. Зоидов. – 2-е изд., исп., доп. и углублен. / Под ред. чл.-корр. РАН В.А. Цветкова. – М.: ИПР РАН, 2024. – 565 с.
6. Aponte-Garcia, M. Hydrocarbon trade deflection and supply-chain trade restructuring under sanctions imposed during the Russia–Ukraine conflict // Russian Journal of Economics. – 2024. – Vol. 10, No. 3. – P. 299–318. – DOI: 10.32609/rje.10.125317.
7. Bureau of National Statistics of the Agency for Strategic Planning and Reforms of the Republic of Kazakhstan. Foreign trade turnover of the Republic of Kazakhstan (January–December 2024). – Astana, 2025. – Офиц. электрон. ресурс (дата обращения: 12.01.2026 г.).
8. Bureau of National Statistics of the Agency for Strategic Planning and Reforms of the Republic of Kazakhstan. Foreign trade turnover of the Republic of Kazakhstan (January–February 2025). – Astana, 2025. – Офиц. электрон. ресурс (дата обращения: 12.01.2026 г.).
9. Chupilkin, M. The Eurasian roundabout: Trade flows into Russia through the Caucasus and Central Asia / M. Chupilkin, B. Javorcik, A. Plekhanov. – EBRD Working Paper No. 276. – 2023. – Офиц. электрон. ресурс (дата обращения: 12.01.2026 г.).
10. Council of the European Union. Russia's war of aggression against Ukraine: comprehensive EU's 14th package of sanctions cracks down on circumvention and adopts energy measures. – 24.06.2024. – Офиц. электрон. ресурс (дата обращения: 15.01.2026 г.).
11. Council of the European Union. Three years of Russia's full-scale invasion and war of aggression against Ukraine: EU adopts its 16th package of sanctions. – 24.02.2025. – Офиц. электрон. ресурс (дата обращения: 15.01.2026 г.).

12. Crozet, M. Friendly fire: the trade impact of the Russia sanctions and counter-sanctions / M. Crozet, J. Hinz // *Economic Policy*. – 2020. – Vol. 35, No. 101. – P. 97–146. – DOI: 10.1093/epolic/eiaa006.
13. Eurasian Development Bank. The Eurasian Transport Network. – Reports 24/6. – Almaty: EDB, 2024. – Официальный электронный ресурс (дата обращения: 17.01.2026 г.).
14. European Bank for Reconstruction and Development. Kyrgyz Republic Country Strategy 2024–29. – London: EBRD, 2024. – Официальный электронный ресурс (дата обращения: 17.01.2026 г.).
15. European Bank for Reconstruction and Development. Regional Economic Prospects. – London: EBRD, September 2024. – Официальный электронный ресурс (дата обращения: 17.01.2026 г.).
16. European Bank for Reconstruction and Development. Regional Economic Prospects. – London: EBRD, February 2025. – Официальный электронный ресурс. (дата обращения: 18.01.2026 г.).
17. Fortescue, S. The reorientation of Russia's trade corridors since the invasion of Ukraine // *Post-Communist Economies*. – 2024. – Vol. 36, No. 4. – P. 405–431. – DOI: 10.1080/14631377.2024.2324223.
18. International Monetary Fund. Regional Economic Outlook: Middle East and Central Asia. – Washington, DC: IMF, 2024. – Официальный электронный ресурс. (дата обращения: 18.01.2026 г.).
19. Mancini, M. The Real-Time Impact of the War on Russian Imports: A Synthetic Control Method Approach / M. Mancini, F. P. Conteduca, A. Borin // *World Trade Review*. – 2024. – Vol. 23, No. 4. – P. 433–447. – DOI: 10.1017/S1474745623000484.
20. National Statistics Committee of the Republic of Uzbekistan. Foreign trade turnover of the Republic of Uzbekistan (January–December 2024). – Tashkent, 2025. – Официальный электронный ресурс.
21. National Statistics Committee of the Republic of Uzbekistan. Foreign trade turnover of the Republic of Uzbekistan. Preliminary data for January–February 2025. – Tashkent, 20.03.2025. – Официальный электронный ресурс (дата обращения: 20.01.2026 г.).
22. OECD. Diversifying Kazakhstan's Exports: Institutions, Policies, Infrastructures. – Paris: OECD Publishing, 2024. – DOI: 10.1787/7f9cd8aa-en.
23. Simola, H. Latest developments in Russian imports of sanctioned technology products // *BOFIT Policy Brief*. – 2023. – No. 15/2023. – Официальный электронный ресурс. (дата обращения: 20.01.2026 г.).
24. Timofeev, I. N. The Illusion of “Smart” Sanctions: The Russian Case / I. N. Timofeev, E. Y. Arapova, Yu. A. Nikitina // *Russia in Global Affairs*. – 2024. – Vol. 22, No. 2. – P. 156–178. – DOI: 10.31278/1810-6374-2024-22-2-156-178.
25. U.S. Department of the Treasury. Treasury Intensifies Sanctions Against Russia by Targeting Russia's Oil Production and Exports. – 10.01.2025. – Официальный электронный ресурс. (дата обращения: 12.01.2026 г.).
26. U.S. Department of the Treasury. U.S. Continues to Degrade Russia's Military-Industrial Base and Evaders Supporting Russia's Acquisition Network. – 01.05.2024. – Официальный электронный ресурс (дата обращения: 22.01.2026 г.).
27. United States of America. Executive Order 14114 of December 22, 2023: Taking Additional Steps with Respect to the Russian Federation's Harmful Activities // *Federal Register*. – 2023. – Официальный электронный ресурс (дата обращения: 27.01.2026 г.).
28. World Bank. Global Economic Prospects. – Washington, DC: World Bank, 2024. – Официальный электронный ресурс. (дата обращения: 27.01.2026 г.).

References

1. Agency for Statistics under the President of the Republic of Tajikistan. Socio-economic situation of the Republic of Tajikistan. January–December 2024. – Dushanbe, 2025. - Official web resource.
2. Boboev G.G. Modeling the impact of the evolutionary and institutional foundations of globalization on the processes of economic growth in Russia and Central Asian countries in conditions of instability / Under the editorship of PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor K.Kh. Zoidov. Doctor of Sci. (Econ.), Professor S.I. Bortalevich. – M.: MEI RAS, 2025. – 448 p.

3. Zoidov K.Kh. Mathematical signature as a tool for analyzing the sustainability of innovative strategies for interaction between the national economies of Russia and the SCO countries / Edited by Academician of the RAS V.L. Makarov; Corresponding Member of the RAS A.R. Bakhtizin – M.: CEMI RAS, 2026. – 193 p.
4. Zoidov K.Kh. An evolutionary-institutional approach to the study and measurement of non-equilibrium processes of the evolution of socio-economic systems / K.Kh. Zoidov. – 3rd edition, corrected and expanded / Edited by Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences V.A. Tsvetkov. – M.: MEI RAS, 2023. – 517 p.
5. Zoidov K.Kh. The evolution of the theory of transformational crisis cyclicity of the socio-economic systems of Russia and other post-Soviet countries / K.Kh. Zoidov. – 2nd edition, corrected, expanded and in – depth / Edited by Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences V.A. Tsvetkov. – M.: MEI RAS, 2024. – 565 p.
6. Aponte-Garcia, M. Hydrocarbon trade deflection and supply-chain trade restructuring under sanctions imposed during the Russia–Ukraine conflict // Russian Journal of Economics. – 2024. – Vol. 10, No. 3. – P. 299–318. – DOI: 10.32609/j.ruje.10.125317.
7. Bureau of National Statistics of the Agency for Strategic Planning and Reforms of the Republic of Kazakhstan. Foreign trade turnover of the Republic of Kazakhstan (January–December 2024). – Astana, 2025. - Official web resource (accessed: 12.01.2026).
8. Bureau of National Statistics of the Agency for Strategic Planning and Reforms of the Republic of Kazakhstan. Foreign trade turnover of the Republic of Kazakhstan (January–February 2025). – Astana, 2025. - Official web resource (accessed: 12.01.2026).
9. Chupilkin, M. The Eurasian roundabout: Trade flows into Russia through the Caucasus and Central Asia / M. Chupilkin, B. Javorcik, A. Plekhanov. – EBRD Working Paper No. 276. – 2023. - Official electron. resource (accessed: 12.01.2026).
10. Council of the European Union. Russia's war of aggression against Ukraine: comprehensive EU's 14th package of sanctions cracks down on circumvention and adopts energy measures. – 06/24/2024. - Official web resource (accessed: 01/15/2026).
11. Council of the European Union. Three years of Russia's full-scale invasion and war of aggression against Ukraine: EU adopts its 16th package of sanctions. – 02/24/2025. - Official electron. resource (accessed: 01/15/2026).
12. Crozet, M. Friendly fire: the trade impact of the Russia sanctions and counter-sanctions / M. Crozet, J. Hinz // Economic Policy. – 2020. – Vol. 35, No. 101. – P. 97–146. – DOI: 10.1093/epolic/eiaa006.
13. Eurasian Development Bank. The Eurasian Transport Network. – Reports 24/6. – Almaty: EDB, 2024. - Official web resource (accessed: 17.01.2026).
14. European Bank for Reconstruction and Development. Kyrgyz Republic Country Strategy 2024–29. – London: EBRD, 2024. - Official web resource (accessed: 17.01.2026).
15. European Bank for Reconstruction and Development. Regional Economic Prospects. – London: EBRD, September 2024. - Official web resource (accessed: 17.01.2026).
16. European Bank for Reconstruction and Development. Regional Economic Prospects. – London: EBRD, February 2025. - Official web resource. (date of access: 18.01.2026).
17. Fortescue, S. The reorientation of Russia's trade corridors since the invasion of Ukraine // Post-Communist Economies. – 2024. – Vol. 36, No. 4. – P. 405–431. – DOI: 10.1080/14631377.2024.2324223.
18. International Monetary Fund. Regional Economic Outlook: Middle East and Central Asia. – Washington, DC: IMF, 2024. - Official web resource. (date of access: 18.01.2026).
19. Mancini, M. The Real-Time Impact of the War on Russian Imports: A Synthetic Control Method Approach / M. Mancini, F. P. Conteduca, A. Borin // World Trade Review. – 2024. – Vol. 23, No. 4. – P. 433–447. – DOI: 10.1017/S1474745623000484.
20. National Statistics Committee of the Republic of Uzbekistan. Foreign trade turnover of the Republic of Uzbekistan (January–December 2024). – Tashkent, 2025. - Official web resource.
21. National Statistics Committee of the Republic of Uzbekistan. Foreign trade turnover of the Republic of Uzbekistan. Preliminary data for January–February 2025. – Tashkent, 03/20/2025. - Official web resource (accessed: 01/20/2026).

22. OECD. Diversifying Kazakhstan's Exports: Institutions, Policies, Infrastructures. – Paris: OECD Publishing, 2024. – DOI: 10.1787/7f9cd8aa-en.
23. Simola, H. Latest developments in Russian imports of sanctioned technology products // BOFIT Policy Brief. – 2023. – No. 15/2023. - Official web resource. (accessed: 01/20/2026).
24. Timofeev, I. N. The Illusion of “Smart” Sanctions: The Russian Case / I. N. Timofeev, E. Y. Arapova, Yu. A. Nikitina // Russia in Global Affairs. – 2024. – Vol. 22, No. 2. – P. 156–178. – DOI: 10.31278/1810-6374-2024-22-2-156-178.
25. U.S. Department of the Treasury. Treasury Intensifies Sanctions Against Russia by Targeting Russia's Oil Production and Exports. – 01/10/2025. - Official web resource. (accessed: 12.01.2026).
26. U.S. Department of the Treasury. U.S. Continues to Degrade Russia's Military-Industrial Base and Evaders Supporting Russia's Acquisition Network. – 05/01/2024. - Official web resource (accessed: 01/22/2026).
27. United States of America. Executive Order 14114 of December 22, 2023: Taking Additional Steps with Respect to the Russian Federation's Harmful Activities // Federal Register. – 2023. - Official web resource (accessed: 01/27/2026).
28. World Bank. Global Economic Prospects. – Washington, DC: World Bank, 2024. - Official web resource. (accessed: 01/27/2026).

Об авторах

Тулупов Александр Сергеевич, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Лаборатории моделирования евразийской интеграции и мирохозяйственных процессов, Центральный экономико-математический институт РАН, Россия, Москва.

Зоидов Кобилжон Ходжиевич, кандидат физико-математических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, руководитель Лаборатории моделирования евразийской интеграции и мирохозяйственных процессов, руководитель Международного отдела, Центральный экономико-математический институт РАН, Россия, Москва.

Бобоев Гуломжон Гапуржонович, кандидат экономических наук, соискатель докторантуры Лаборатории моделирования евразийской интеграции и мирохозяйственных процессов, Центральный экономико-математический институт РАН, Россия, Москва.

Кобил Шабнами Кобилджоновна, младший научный сотрудник Лаборатории компьютерного моделирования социально-экономических процессов, Центральный экономико-математический институт РАН, Россия, Москва.

About authors

Alexander S. Tulupov, Doctor of Sci (Econ.), Professor, Chief Researcher at the Laboratory for Modeling Eurasian Integration and Global Economic Processes, Central Economics and Mathematics Institute of RAS, Moscow, Russia.

Kobiljon Kh. Zoidov, Candidate of Sci. (Phys.&Math.), Associate Professor, Head of the Laboratory for Modeling Eurasian Integration and Global Economic Processes, Central Economics and Mathematics Institute of RAS, Moscow, Russia.

Gulomjon G. Boboev, Candidate of Sci. (Econ.), PhD candidate at the Laboratory for Modeling Eurasian Integration and Global Economic Processes, Central Economics and Mathematics Institute of RAS, Moscow, Russia.

Shabnam K. Kobil, Junior Researcher at the Laboratory for computer modeling of socio-economic processes, Central Economics and Mathematics Institute of RAS, Moscow, Russia.